

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1997

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1998

А. А. ГИППИУС, А. А. ЗАЛИЗНЯК

О НАДПИСЯХ НА СУЗДАЛЬСКОМ ЗМЕЕВИКЕ

«Суздальским змеевиком» в литературе издавна именуется каменный амулет-филактерий, происходящий из ризницы Суздальского Рождественского собора и хранящийся ныне в Государственном историческом музее (№ 19726). Согласно одному из последних описаний памятника, он представляет собой «круглый, обоюдовыпуклый медальон диаметром 6,5 см, выточенный из темно-зеленой с красными прожилками «коровой» яшмы. На одной стороне — изображение семи отроков эфесских, на другой — голова медузы с шестью головами-змеями. По сторонам изображений отроков — именные колончатые надписи, по ободу лицевой и оборотной сторон — двустрочные русские молитвенные надписи с упоминанием имен Георгия, Марии и Христины. От других русских амулетов подобного типа змеевик отличается материалом (камень), мастерством исполнения, наличием пространных именных заклинательных надписей» (Медынцева 1991, 134).

Круговые надписи змеевика многократно привлекали внимание исследователей, пытавшихся связать упоминаемые в них имена с конкретными историческими лицами. Итоги дискуссии по данному вопросу подведены в обобщающей работе А. А. Медынцевой (к которой мы отсылаем читателя за деталями исторического характера). Подробно проанализировав различные взгляды на происхождение змеевика и идентификацию лиц, упоминаемых в надписях, автор приходит к выводу, что «этот уникальный змеевик был заказан женой князя Всеволода III Марией Шварновной, по происхождению чешской (моравской) княжной, для своего новорожденного сына и старшей дочери, скорее всего в 1189 г.» (Медынцева 1991, 148). Тезис о принадлежности змеевика Марии Шварновне, впервые выдвинутый М. В. Щепкиной, разделяется и авторами новейшего полного каталога древнерусских амулетов-змеевиков — Т. В. Николаевой и А. В. Чернецовым (Николаева и Чернецов 1991, 83). Таким образом, вопрос об атрибуции Суздальского змеевика на сегодняшний день в исторической литературе считается решенным.

Хотя, как мы увидим в дальнейшем, справедливость этого решения вызывает самые серьезные сомнения, пересмотр принятой

атрибуции памятника не является главной целью настоящей статьи. Ее задача в другом — привлечь внимание к надписям на Суздальском змеевике как замечательному лингвистическому источнику, несправедливо обойденному вниманием историков русского языка. В истории изучения памятника филологический анализ надписей до сих пор играл вспомогательную роль, будучи подчинен задачам его исторической атрибуции. Среди писавших о змеевике были квалифицированнейшие историки и искусствоведы, специалисты по древнерусской палеографии и эпиграфике, но не было лингвистов. Между тем его надписи безусловно заслуживают самого пристального лингвистического анализа.

Поскольку последний и наиболее обстоятельный разбор надписей принадлежит А. А. Медынцевой, будем использовать ее работу в качестве отправного пункта в собственном анализе.

Текст надписей¹ в передаче А. А. Медынцевой имеет следующий вид:

(I) Лицевая сторона (с изображением семи спящих отроков):

+ ги исчѣь крьсть давѣе сънѣ :з: отрокѣ
вѣ сѣѣсьскѣе гѣрь лажѣ и н[а]ма
рабѣма своимѣ + гѣорьгнѣо хрьстинѣ
сънѣ жнеоѣтънѣе и мирнѣе
и ѹгаси силѣ [о]гньнѣѣѣо аминѣ

Оборотная сторона:

+ ги пѣмѣзи ра[бома сѣ]онма
нарѣчѣнѣма вѣ свѣтѣмѣѣ хрьщѣнни
маринѣ + и хрьстинѣ вѣ мирѣ [ж]ѣ мнѣславни
сѣ старѣишѣсо дѣчѣрнѣсо аминѣ

Такая передача текста нуждается в небольших коррективах, так как не проводит различия между буквами, полностью утраченными, т.е. чистыми конъектурами, и буквами, частично сохранившимися.

¹ Здесь и далее, говоря о надписях змеевика, мы имеем в виду только круговые двустрочные надписи. Колончатые надписи при изображениях отроков, хотя и сделаны той же рукой, отличны по своей графике. К числу таких отличий, помимо названных А.А.Медынцевой (наличие в колончатых надписях букв і, ѹ, ѵ, отсутствующих в круговых надписях), следует отнести написание имени антонинѣ — в орфографии круговых надписей оно было бы записано как антѣннѣ (см. ниже). Можно думать, что колончатые надписи были воспроизведены как элемент иконографии вместе с изображениями, к которым относятся, в то время как текст круговых надписей был дан заказчиком змеевика.

мися. В приводимой ниже записи первые даны в круглых скобках, вторые — в квадратных. Отсутствующие буквы, однозначно не восстанавливаемые по контексту, обозначены прочерками. Специально заметим, что в слове, читаемом А. А. Медынцевой как н[а]ма, полностью стерта не только вторая, но и первая буква (без первых двух букв слово передано и в каталоге Т. В. Николаевой и А. В. Чернецова), что делает возможной и конъектуру (си)ма, едва ли не более вероятную. Еще одно отличие нашей записи текста от других публикаций заключается в ином расположении знака креста во второй строке, который мы помещаем не в середине надписей, а в конце. Такая «пунктуация», на наш взгляд, лучше передает специфику круговых надписей, которые, начинаясь крестом, им же и заканчиваются. Места перехода со строки на строку условно обозначены вертикальной чертой.

- (II) + ги исъсъ крьсть даѡѡ сѡнъ :з: отрокъ
 въ сѡѡсѡскѡѡ гѡрь лаѡъ и --ма
 раѡѡма сѡнма | гѡрьгѡнео хрьстинѡѡ
 сѡнъ живѡѡтънѡѡ и мирнѡѡ
 и ѡгаси силъ [ог]ънѡѡ ѡѡѡ аминъ +
- + ги пѡмѡзи ра(ѡѡма сѡ)нма
 нарѡѡчѡнѡма въ сѡѡтѡмѡѡ хрьщѡнни
 марин | и хрьстинѡѡ въ мир[ѡѡ жѡ] миославѡне
 сѡ старѡѡнѡшѡ дѡѡчѡѡрисѡ аминъ +

Приведем, с небольшими сокращениями, характеристику языковых и графических особенностей надписей, данную А. А. Медынцевой: «По языку надписи — безусловно не только славянские, но и русские. Об этом говорит написание **даѡѡ** вместо старославянского **даждѡ** и **дѡѡчѡѡриѡ** вместо **дѡѡщерѡнѡ**. Ошибки надписей можно объединить в несколько групп. Первое: пропуски букв или мена их местами или ошибочное написание одной буквы вместо другой: **л** вместо **д** в слове **даѡѡ**; **миославѡне**. Эти ошибки легко объяснить простой невнимательностью мастера. Другая группа ошибочных написаний фонетического происхождения: „неупорядоченное“ употребление **ѡ** и **о**, **ѡ** и **ѡ**. Мастер путает эти буквы, пишет их даже там, где глухие этимологически отсутствовали или вместо **о**, например **гѡрь** вместо **горѡѡ**, **огънъ** вместо **огнь**, **пѡмѡзи** вместо **помози**. Эти написания — результат утраты редуцированных, так называемая „неупорядоченная“ орфография, особенно характерная для многих берестяных грамот и рукописей конца XII — начала XIII в. Эта особенность является хронологическим, датирующим признаком.

1

2

Суздальский змеевик. 1 — лицевая сторона; 2 — оборотная сторона

1

2

Суздальский змеевик. 1 — лицевая сторона; 2 — оборотная сторона

Получив таким образом запись, которая может рассматриваться (за исключением фрагментов в фигурных скобках) как отражающая исходный вид надписей в протографе, можем перейти к их графико-орфографическому анализу⁴. Учитывая разнообразие представленных в надписях графических эффектов, имеет смысл еще раз переписать текст, приведя его к раннедревнерусскому графическому стандарту.

- (IV) + ги нсѣсъ крѣсте давѣи сѣнѣ :з: отрокѣ въ ѿѡѣсьскѣи горѣ дажѣ
и --ма рабома свонма | георгѣиу хрѣстинѣ сѣнѣ животѣи и
миръѣи и оугаси силоу огньноу +
- + ги помози рабома свонма наречѣиъма въ сватѣмѣ хрѣщенн
марин | и хрѣстинѣ въ мирѣ же (мнославне) съ старѣишею дѣчерно
аминь +

Сопоставление вариантов записи (III) и (IV) дает перечень расхождений между раннедревнерусским графическим стандартом и графической системой Суздальского змеевика.

1. о	—	ѡ(4)/о(5)
2. ѡ	—	ь(7)/ѣ(2)
3. к	—	ѣ(1)
4. и(j)	—	ѣ(4)
5. ѡ	—	а(1)
6. ю	—	ѡ(4)
7. оу	—	ѡ(4)
8. ѡ	—	ѡ(4)

Особняком в этом списке стоит замена ѡ на а (5), представленная единственным примером (сватѣмѣ), который может быть простой опиской, но, скорее всего, имеет фонетическую природу, отражая отверждение губного согласного. О том, что такое отверждение могло иметь место в восточнославянских диалектах уже в весьма раннюю эпоху, свидетельствуют такие примеры, как двукратное Свѣтославѣ, -ѣ в надписи XII в. из Софии Киевской (Высоцкий 1966, № 9), Свѣтонѣ (недописанное Свѣтонѣѣ) (Медынцева 1978, № 104) в граффити Новгородской Софии, исправление свѣте на свѣте в новгородской берестяной грамоте № 705 конца XII — на-

⁴ В дальнейшем текст надписей цитируется по записи (III), причем исправления ошибок резчика специально не оговариваются.

чала XIII в. Вполне возможно, что по диалектам отверждение [в'] могло быть особенно последовательно проведено именно в корне *свѣт-*, то есть было лексикализировано. Показательно, что в литературном украинском языке в этом корне отсутствует фонетически закономерная йотация, что может объясняться твердым произношением согласного в диалектах. О причинах такой лексикализации можно лишь догадываться. Важно заметить, однако, что при любом объяснении данного явления его нет оснований выводить за пределы восточнославянской языковой зоны, как это делает А. А. Медынцева (1992, 142), видящая в написании свѣтѣмѣ Суздальского змеевика отражение чешского «акцента» княгини Марии Шварновны.

Соответствия (1–4) касаются тех элементов стандартной системы, которые прежде всего становятся объектом разного рода графических эффектов в текстах, отражающих бытовую (некнижную) графическую традицию, в первую очередь — в берестяных грамотах. На характере смешения в паре ѡ — ѡ и тройке ѡ — ѡ — ѡ мы специально остановимся ниже. Эффект ѡ → ѡ демонстрируется не столько примером ѡѡѣсьскѣ (в написании грецизмов колебания в выборе между ѡ и ѡ характеризовали саму стандартную систему), сколько употреблением ѡ, а не ѡ, вместо стандартного и, для обозначения конечного [j]: давѣѡ, ѡѡѣсьскѣ, жнѣ(ѡѡ)тънѣѡ, мирънѣѡ.

Такое обозначение конечного [j] ([j]), восходящего к *jъ или *ji, проведено в нашем тексте последовательно, примеры со стандартным и в этой позиции отсутствуют. В берестяных грамотах данный эффект встречается, обычно сопровождая смешение в парах ѡ — ѡ, ѡ — ѡ, с конца XI в. (древнейший пример — въдаѡ № 566), но преимущественно в XII и XIII вв. Значительно реже он выступает в пергаменных грамотах (см. примеры в Шахматов 1915, § 415) и еще реже — в церковных рукописях, среди которых выделяется второй почерк Паремийника 1271 г., где примеры типа разоумѣ тѡѡ 770б, бѣ тѡѡ 124, выѡѡ, исправѡѡ (impr.) 157 довольно многочисленны. Заметим, что в берестяных грамотах данное явление фиксируется как на конце, так и в середине слова: см., например, в берестяной грамоте № 2 из Звенигорода Галицкого (10-е — 30-е гг. XII в.): лодиноѡѡ, даѡ, поѡѡ. Между тем в нашем тексте в единственном случае, где рефлекс слабого *jъ выступает в середине слова, он оформлен стандартным способом: старѣишеѡ. Таким образом, по-видимому, этот графический эффект действует в надписях змеевика избирательно, только на конце слова.

Одной из наиболее ярких графических примет Суздальского змеевика является последовательное употребление диграфа ѡѡ в со-

ответствии со стандартным ю. Оно представлено двумя «чистыми» примерами (гъорѣнѣо, [о]гънѣнѣо) и еще двумя, в которых данный графический эффект замаскирован ошибкой резчика, не процарапавшего язычок е (старѣнѣнѣсо, дѣчѣнѣсо вместо старѣнѣнѣе, дѣчѣнѣе). По своей природе это явление несомненно связано с записью через е конечного [j]. В данном случае е как обозначение [j] заменяет собой первый элемент графемы ю, при этом второй элемент графемы сохраняется без изменения.

Эта нетривиальная графическая субституция предполагает восприятие стандартного ю как диграфа, структура которого отвечает его фонетическому значению. В отличие от других йотированных букв, поэлементный состав которых прозрачно соотносится с их фонетическим содержанием (к[je] = [j] + [e], ѡ[ja] = [j] + [a]), ю имеет своим вторым элементом не оу, а о, и таким образом ее начертание производит впечатление немотивированного. Однако такая мотивация имеется, так как знак о в составе ю выступает не в своем основном значении, но как первая часть диграфа оу, функционально замещающая весь диграф. Ю, таким образом, является сокращением для *юу, и замена его на ео в надписях Суздальского змеевика свидетельствует о понимании этого обстоятельства⁵.

Примеры точно такого же, как в нашем памятнике, начертания ю в других текстах нам не известны, однако отдельные факты дают все же основания полагать, что такое написание не было индивидуальным изобретением автора надписей. Похожее начертание одного из двух ю в берестяной грамоте № 624 (втор. пол. XII в.) недостаточно показательно: условия его появления (после двух е в слове череню) и «нормальный» вид второго ю в той же грамоте заставляют предполагать скорее исправление ю из е, чем особое его начертание. Большой интерес представляет датированная тем же периодом грамота № 682, в которой в обоих ю первый элемент имеет характерные засечки, делающие его похожим на современное печатное Е. При этом у других букв, способных выступать с горизонтальными засечками, они отсутствуют, то есть мы явно имеем дело не с общей характеристикой почерка, но с особым начертанием именно данной графемы. Хотя в грамоте № 682 «обычное» е имеет

⁵ Заметим, что сама возможность «сокращения» *юу в ю связана с отсутствием в фонетической системе старославянского и церковнославянского языков сочетания [jo], которое было бы естественным фонетическим значением для знака ю. Буква ё, будь она изобретена на тысячу лет раньше, несомненно имела бы вид ю (да и обозначение [jo] в текстах XVII и XVIII в. в виде ю и ю фактически отличается от ю лишь отсутствием соединительной черты).

иной вид, Е-образная форма встречается в других грамотах XII — начала XIII в. (в частности № 155, 336, 436). Неясно, отождествлялся ли первый элемент ю с е самим автором 682-й грамоты, монахиней Харитонией, или же такое начертание было усвоено ею как немотивированное, — в любом случае его связь с обозначением ю как ео представляется вполне вероятной. Наконец, особый интерес представляет надпись из новгородского Софийского собора (Медынцева 1978, № 101; сохранилась только в прориси В. Н. Щепкина), в которой обозначение [ju] складывается из соединенных между собой е и ж: помо(зи) ра[е]оу своемоу ---ижеж.

В двух случаях графическое своеобразие надписей заключается не в замене графемы, требуемой стандартной системой, на некоторую другую, выступающую в рамках стандартной системы в ином значении, но в необычном составе элементов самой графемы. Это запись оу как ѱ и ѱ как ѱ. Эти особенности можно было бы отнести к числу палеографических, если бы за ними не просматривались общие структурные основания. В обоих случаях графической трансформации оказываются подвергнуты диграфы, обозначающие не звукосочетания (как к, ю, ѡ), а простые гласные. В начертках змеевика прослеживается стремление писавшего избавиться от этой фонетически необоснованной двукомпонентности. Для оу эта задача решается путем полного примыкания уменьшенного первого элемента ко второму, лишенному «ножки» (то есть фактически выступающему в виде обычной ижицы), что дает начертание, уже не воспринимаемое как диграф (характерно его совпадение по форме с глаголическим ц, отмечавшееся в литературе). Форма диграфа оу с уменьшенным о, иногда «прилепленным» к ѱ, встречается в ряде берестяных грамот XII — начала XIII в. (см. особенно № 672, 681, 700, написанные, по-видимому, одним почерком); с другой стороны, в книжной письменности встречаются, хотя и редко, случаи употребления ижицы (без ножки) в составе диграфа — он (например, в Мстиславовом Евангелии). Однако комбинация этих вариантов, выступающая в надписях Суздальского змеевика, по другим памятникам, кажется, не известна и едва ли не была изобретена автором надписей.

Не менее эффектное решение та же задача находит и для ѱ: второй элемент диграфа вообще устраняется, а роль признака, отличающего ѱ от ѱ, берет на себя соединительный штрих, который таким образом становится из факультативного конструктивным элементом графемы.

Необходимо заметить, что в трех из четырех случаев употребления этого знака он выступает в окончании членных прилага-

7 Трактовка данного написания как отражающего «новый ять» основывается на согласных показаниях памятников, не смешивающих *е* и *ѣ*, в которых это название последовательно пишется с *е* в корне. См., например, в Изборнике 1073 г. (ѣсѣѣ 23а,г, 24б, 261в, кѣсѣсьскын 262г, ѣсѣсьскоуѣмоу 24б), Мстиславовом Евангелии (ѣсѣѣ 173б11), Успенском сборнике (ѣсѣсьскын 266в, ѣнмѣ 266в, -стѣ 265в, ѣсѣѣ 83в, 104а). Стоит привести также характерный пассаж из «Вопрошания Кирика», свидетельствующий о морфологической освоенности этого грецизма в древнерусском: *А ꙗже пишють на ꙗ-хъ отрочеѣхъ на главахъ и на нигѣхъ пророчеѣхъ — А то, рече, за кловеуѣхъ мѣста: тако бо ходили кѣшане* (Павлов 1908, 33).

рех случаях, где рефлекс *о находится в неперестроенном слоге: *гѣрь, рабѣма, пѣмѣзи*. Позиция перед слабым редуцированным представлена в чистом виде тремя примерами, и во всех трех обозначением рефлекса *о служит о (один раз — в сочетании с ъ): *отрокѣ, гѣрьгнѣ, живѣтънѣ*. В двукратном *свѣма* о также вполне может обозначать /ѳ/: рефлекс *ојі в слогах не перед слабыми редуцированными по диалектам совпадали с рефлексами *ојѣ, что отражено, например, Мерилом Праведным, где у местоимений *мой, твой, свой* словоформы множественного и двойственного числа последовательно записываются через ѡ: *сѡмн, сѡмнми, сѡмнма* и т. д. (см.: Зализняк 1990, 52).

Таким образом, далекая от книжного стандарта графическая система Суздальского змеевика оказывается приспособлена для передачи такой яркой диалектной особенности, как заместительное удлинение *о и *е в слогах перед слабыми редуцированными. Эта диалектная черта позволяет связать происхождение змеевика (или, во всяком случае, его надписей) с юго-западными областями древней Руси. При этом наш памятник оказывается древнейшим, в орфографии которого названный фонетический процесс находит параллельное отражение для рефлексов *о и *е.

Как известно, в отражении рукописями результатов этого процесса нет параллелизма: если «новый ять» систематически отражается орфографией галицко-волинских памятников начиная с Добрилова евангелия 1164 г., то противопоставление двух фонем «типа о» в древнерусскую эпоху находит графическое выражение лишь в считанных рукописях, относящихся к концу этого периода⁸. Следовательно, если Суздальский змеевик действительно относится к домонгольской эпохе, в чем сходятся все исследователи памятника, то отражение в нем противопоставления двух фонем «типа о» примерно на век (если не более) опережает его отражение книжными памятниками.

Поражает, впрочем, не столько сам факт такого опережения, сколько совершенно иной, по сравнению с книжной письменно-

⁸ До последнего времени таких памятников было известно три: Евангелие МГУ № 1367 (по-видимому, первой половины XIV в.) и приписки на полях Венского октоиха («кодекса Ханкенштейна») конца XIII — начала XIV вв., отражающие «украинский» принцип распределения /ѳ/ и /ѡ/, а также Мерило Праведное XIV в., отражающее «смешанный» принцип их распределения. Совсем недавно О. А. Князевской был выявлен еще один памятник с «украинским» принципом распределения «двух о» — им оказалась галицко-волинская рукопись Быбельского апостола первой половины XIV в. (Князевская 1996, 276–281).

стью, принцип графической передачи «двух е» и «двух о». Напомним, что в отражении первого из этих противопоставлений книжные источники демонстрируют полное единообразие, обозначая открытый член оппозиции как ѣ, а закрытый — как ѣ̣. Известные системы передачи противопоставления «о открытого» и «о закрытого» используют для этого графические оппозиции о ~ ѡ, о ~ ѳ, о ~ ѡ̣ и некоторые другие (см.: Зализняк 1990, 15).

Все иначе в надписях змеевика: здесь противопоставление открытых и закрытых фонем выражается в оппозициях ѣ ~ ѣ̣ и ѣ̣ ~ ѡ̣. Принцип писавшего ясен: открытый член пары он обозначает так же, как редуцированные гласные. Но ведь именно так и развивались сильные редуцированные при прояснении! В большинстве говоров сильный ѣ совпадал с открытым ѡ, а сильный ѣ̣ — с открытым е. Что же касается закрытых членов оппозиции, то обозначением удлинненного *о в таком случае закономерно становится обычное о, а обозначением удлинненного *е — ѣ̣, как и в книжной орфографии.

Вернемся теперь к уже затронутому вопросу о дате змеевика. Принятая в настоящее время датировка надписей основывается на оценке их палеографических и графических особенностей, данной М. Н. Сперанским и М. В. Щепкиной и поддержанной в последнее время А. А. Медынцевой. По мнению М. В. Щепкиной (1972, 74), по собственно палеографическим признакам надписи можно было бы отнести к первой половине XII в. А. А. Медынцева (1991, 141–142) отмечает в надписях ряд архаичных черт, датирующих их временем до середины XII в. (широкие, близкие по пропорциям к квадрату некоторые буквы, треугольные петли ѣ̣, ѡ̣ — с горизонтальной перекладиной, ѡ̣ — латинская по форме, ѣ̣ — в строке, симметричное, написанное в три приема ж, ѡ с высокой серединой). С другой стороны, ссылаясь на корпус русских датированных надписей Б. А. Рыбакова, она указывает ряд начерков, более характерных для второй половины XII — рубежа XII–XIII вв. («набухшие», в некоторых случаях даже квадратные петли ѣ̣, ѣ̣, ч — на очень маленькой ножке). Со своей стороны заметим, что в берестяных грамотах характерные начерки змеевика находят соответствия в основном в XII — начале XIII в. (ж с двумя симметричными полукружьями, р с узкой петлей, ѣ̣ и ѣ̣ с округлыми петлями). К XII в. относятся и грамоты № 682 и № 503, в которых выше были указаны параллели для специфических начертаний ю (ѡ̣) и ы. Таким образом, наиболее вероятной палеографической датой Суздальского змеевика представляется XII в.

Главным основанием для уточнения этой даты и отнесения надписей к рубежу XII–XIII вв. для М. В. Щепкиной (и следующей за ней в этом вопросе А. А. Медынцева) была «неупорядоченная» орфография, смешивающая *ѣ* с *о* и *ь* с *е*. В настоящее время этот аргумент должен быть признан утратившим силу. В значительно разросшемся за последние годы корпусе берестяных грамот названная графическая особенность встречается начиная с конца XI столетия. В первой половине XII в. такое смешение характеризует уже примерно половину всех грамот (см. статистику: Зализняк 1995, 22). Таким образом, присутствие данной черты в надписях змеевика не дает никаких оснований для уточнения палеографической даты памятника.

Уточнить время создания надписей можно было бы, исходя из характера отражения в них неконечных слабых редуцированных. Как и в наиболее ранних берестяных грамотах со смешением *ѣ-о* и *ь-е*, в нашем памятнике случаи пропуска таких редуцированных отсутствуют. Это отличает его от древнейших рукописей, в орфографии которых отражается «новый ять»: уже в Добриловом Евангелии 1164 г. данное явление фиксируется на фоне активного отражения процесса утраты слабых еров. Ситуация, наблюдаемая в нашем тексте, где все слабые редуцированные стоят на своих местах, а результаты удлинения **о* и **е* уже налицо, выглядит на этом фоне несколько необычно.

Оценивая эту ситуацию, необходимо иметь в виду, что запись большинства словоформ с неконечными слабыми редуцированными может быть интерпретирована двояко. За написаниями *крѣсть*, *хрѣстинѣ*, *хрѣщени*, *дѣчѣри* может стоять как раннедревнерусское произношение с редуцированными, так и позднедревнерусское — с «проясненными» *е* и *о*: [кресте], [дочер'ју]. Запись *гѣорѣи* может отражать древнейшее состояние, но может быть трактована и как обозначение мягкости предшествующего согласного. Данью письменной традиции может быть сохранение редуцированного в суффиксах *-ьн-* и *-ьск-*. Наконец, наибольшую свободу для интерпретаций предоставляет написание [ог']*ънънѣо* с этимологически неоправданным *ѣ*. Оно может отражать: 1) особый фонетический вариант данного корня, возникший уже в раннедревнерусский период⁹; 2) результат зако-

номерного фонетического развития такой раннедревнерусской формы — [огон'нују] (нигде, впрочем, в диалектах не засвидетельствованный); 3) «нормальный» позднедревнерусский вид словоформы — [огненују], с гиперкорректным *ѣ*, «восстановленным» из чередования *огонь/огня*.

Какое же языковое состояние отражено надписями Суздальского змеевика? Теоретически это может быть а) «чистое» раннедревнерусское состояние, б) особое, переходное состояние, когда слабые редуцированные еще сохраняли свое положение в слове, но их ослабленность уже успела сказаться в удлинении **о* и **е* предшествующего слога; в) позднедревнерусское состояние. Практически, однако, вариант а) можно сразу исключить: против него говорит сам факт отражения в нашем тексте «нового ятя» и /ѣ/ — продуктов перестройки раннедревнерусской фонологической системы; с хронологической точки зрения это означает, что наши надписи вряд ли могут быть старше второй четверти XII в. Остаются, таким образом, варианты б) — «переходный» и в) — «позднедревнерусский».

Устойчивая корреляция между отражением «нового ятя» и падения редуцированных, прослеживаемая по книжным памятникам, свидетельствует вроде бы в пользу позднедревнерусского состояния. Намек на это дает и реализованный в нашем тексте принцип графической передачи закрытых и открытых рефлексов **о* и **е*: чтобы возникла ассоциация открытых членов пары с *ѣ* и *ь*, нужно, чтобы процесс прояснения сильных редуцированных уже начался. Очевиден, однако, и недостаток «позднедревнерусской» версии, заставляющей предполагать сочетание последовательно проведенной орфографической инновации, какой является обозначение удлинения **о* и **е* в перестроенных слогах, со столь же последовательным традиционализмом в написании слабых редуцированных.

Альтернативная гипотеза находит известную поддержку в новейших диалектных данных, объяснимых лишь исходя из пред-

кономерными. (Точно так же и написания *ѡсмн*, *ѡсма* могут объясняться из варианта **осьми*). К реконструкции варианта с *ѣ* подводят и данные других славянских языков. Известно, что **ognь* практически повсеместно дал: *огонь*, болг. *огън*, чеш. *ohel* etc., т. е. как если бы исходная форма была **ogъль*. Видимо, когда-то весьма рано рядом с **ognь* возник вариант **ogъль* — скорее всего еще до падения конечного *-ь*. Если бы все происходило из [огп'], возникшего по с л е падения *-ь*, то было бы плохообъяснимо, почему во всех славянских языках [п] развивался совершенно так же, как [ѣп]. **Ognьnqj* (-aja, -yja) — это та же самая «позиция» для *gn*, что и в **ognь*; иначе говоря, появление «нового *ѣ*» в *огън-ьныи* должно было происходить более или менее одновременно с появлением такового в *огън-ь*.

⁹ Косвенным аргументом в пользу существования такого варианта в древнерусском может служить последовательно проведенная в Мериле Праведном запись *ѡгнѣ*, *ѡгню*, *ѡгнени* etc. Её можно объяснять аналогией, но допущение в качестве исходных форм **ѡгънѣ* etc. делает эти написания фонетически за-

положения, что удлинение **o* и **e* происходило раньше падения редуцированных и было обусловлено самим противопоставлением «сильных» и «слабых» позиций, а не его последующей трансформацией (см.: Николаев 1996, 210). Уязвимой эту гипотезу делает невозможность подтвердить ее показаниями других памятников. Однако придавать этому обстоятельству решающее значение вряд ли следует: по ходу нашего анализа мы уже имели возможность убедиться в том, что надписи Суздальского змеевика демонстрируют целый ряд уникальных или почти уникальных графико-орфографических черт, да и сам факт существования более раннего, чем в книжной письменности, отражения в них противопоставления «двух *o*» заставляет отнестись к этому памятнику с повышенным вниманием. В таком случае наиболее вероятным временем создания змеевика следует признать вторую четверть — середину XII в. (ко второй половине столетия, насколько можно судить по Добривову Евангелию 1164 г., в диалектах Юго-Западной Руси процесс падения редуцированных уже в основном завершился).

Подводя итог анализу графико-орфографической системы надписей Суздальского змеевика, еще раз отметим ее исключительное своеобразие. По числу отклонений от книжных графических стандартов рассмотренный текст, как кажется, не знает себе равных в древнерусской письменности. Некоторые из этих отклонений хорошо известны по другим памятникам и в первую очередь — по берестяным грамотам, отражающим бытовую графическую традицию; параллели к другим носят единичный характер или же вообще неизвестны. Целенаправленный поиск мог бы, вероятно, увеличить число таких параллелей и обнаружить какие-то соответствия для всех графических эффектов Суздальского змеевика. Однако сама комбинация этих эффектов едва ли не была уникальной даже для своего времени.

Кажется глубоко неслучайным, что столь причудливая графическая система обнаруживается в надписях на амулете-обереге, каким является змеевик. Христианская молитва, обрамляющая «змеевидную композицию», имела основания быть записанной иначе, чем читаемая, скажем, в составе требника. Можно думать, что особая графическая усложненность выступает в данном случае как средство, призванное увеличить магическую силу амулета, то есть играет ту же роль, которую в берестяной грамоте № 674, также представлявшей собой оберег и содержащей фрагмент 54-го псалма, выполняет зеркальная запись текста. В обоих случаях имеет место стремление противопоставить графическое оформление

текста, используемого в магических целях, обычному книжному употреблению. В грамоте № 674 это графическое «антиповедение» (пользуясь термином Б. А. Успенского) выражается в инвертировании последовательности знаков и развороте каждого из них вокруг своей оси. В нашем случае полем графического эксперимента становится система соответствий между единицами фонетического и графического уровня, выстраиваемая с максимальным отталкиванием от книжного стандарта.

В рамках этой системы находят свое место и графические эффекты, характеризующие бытовую письменную традицию — смешение *ъ* и *o*, *ь* и *е*, обозначение как *є* конечного [*j*]. Но если в бытовых текстах (а спорадически — и в церковных рукописях) эти эффекты появляются скорее как ослабление строгих норм книжной графики, чем как их сознательное преобразование, то в нашем случае имеет место именно как раз последнее. Об этом свидетельствуют те графические особенности надписей, которые, не находя или почти не находя параллелей в других памятниках, носят отчетливо выраженный экспериментальный характер — запись *ю* как *eo*, *ы* как *ъ* и *оу* как *ч*.

Замечательно, что этот эксперимент осуществляется не в ущерб графической правильности текста. Напротив, в графике змеевика просматривается стремление оптимизировать соотношение между графемами и обозначаемыми ими единицами фонетического уровня. Именно так можно интерпретировать замену первого элемента буквы *ю* на *є*, выступающее как обозначение [*j*], с одновременным исключением того же графического элемента из состава *ъ*, где он фонетически не оправдан. Другим примером системной связанности графики змеевика может служить тот факт, что *є*, приобретая фонетическое значение [*j*] (а также, в начале слова — [*je*]), полностью утрачивает способность обозначать [*e*] после согласных — в этой функции последовательно выступает *ь* (такое же сочетание эффектов *e* → *ь* и *и* [*j*] → *e*, см., например, в берестяной грамоте № 411, конца XIII в.). Значение этого обстоятельства лучше всего демонстрирует следующий пример. Форма дательного падежа имени *Георгии* выглядит в нашем тексте как *Гѣорьгнѣо* и не может быть записана иначе, так как при «правильной», по нормам книжной графики, записи (*Гѣорьгню*) основа этого имени была бы прочитана как [*г'ур'г'*], то есть с некнижной огласовкой. Эффект *e* → *ь* гарантирует от этой двусмысленности.

Наконец, наиболее ярким проявлением лингвистической обоснованности графических решений Суздальского змеевика можно считать отражение в его надписях противопоставления ре-

флексов *о и *е в перестроенных и неперестроенных слогах. Графическая система, смешивающая ѣ с о и ѣ с е и тем самым, казалось бы, менее точно, чем книжная орфография, соотносящаяся с живой речью, была приспособлена автором надписей для передачи важнейшей черты собственного диалекта, причем сделано это было примерно на столетие раньше, чем — насколько об этом можно судить по сохранившимся источникам — графическое противопоставление «двух о» было освоено древнерусской книжной письменностью.

В заключение коснемся вопроса об атрибуции Суздальского змеевика. Решение его во многом зависит от прочтения и интерпретации имени, записанного как *миославѣи*, которое мы вначале договорились временно исключить из рассмотрения. Напомним, что, согласно принятой в настоящее время атрибуции памятника, под этим написанием скрывается имя *Милослава*, предполагаемое в качестве мирского имени заказчицы змеевика — Марии (Шварновны), жены великого князя Всеволода III. Георгий и Христина, по данной гипотезе, это соответственно младший сын Всеволода и Марии Георгий, родившийся в 1189 г., и их старшая дочь, известная из других источников под своим светским именем Всеслава.

Необходимо признать, что эта атрибуция покоится на очень шатком основании. В графической системе надписей змеевика правильным написанием формы дательного падежа имени *Милослава* было бы *милѣславѣи*. Чтобы получить из этой «правильной» формы искаженное *миославѣи*, мастер должен был допустить целый каскад ошибок и описок: 1) пропустить л в первой части имени, 2) обозначить соединительный гласный как о, вопреки принятой в оригинале надписей орфографии, 3) вставить пропущенное л между последним согласным основы и окончанием, 4) приписать за ним ничем не оправданное и, 5) обозначить конечный [ѣ] как е, также вопреки орфографии протографа. Такое нагромождение ошибок в имени заказчицы (пять ошибок в слове из девяти букв) представляется совершенно невероятным.

Между тем прибегать к столь маловероятной гипотезе нет необходимости. Число допущенных в слове ошибок резко сокращается, как только мы опознаем в нем не женское личное имя, но чрезвычайно распространенную в Древней Руси форму наименования жены по мужу¹⁰. Как бы ни трактовать началь-

¹⁰ Заметим, что данная словоформа представляет несомненный интерес для исторической грамматики русского языка. Окончание Д. ед. жен. мягкой разно-

ное *мио-* (о чем см. ниже), можно с уверенностью утверждать, что заказчица змеевика была *Х-славля*, то есть жена (или вдова) *Х-слава* (как *Ярославля* от *Ярославъ*, *Мстиславля* от *Мстиславъ*). При таком прочтении исход словоформы оказывается записанным абсолютно правильно, в соответствии с принятой в надписях орфографией, обозначающей конечный [j] как е. Становится понятной и структура надписи, упоминающей Марию и Христину: в ее первой части две женщины названы их крестильными именами, тогда как во второй (*въ мирѣ же*) они обе выступают не под своими собственными именами, а как жена и дочь *Х-слава*. Это различие исключительно ярко отражает ситуацию, при которой женщина, являясь полноправным членом христианской общины, выступает в мирской жизни как лицо не вполне самостоятельное¹¹.

Прочтение формы *миославѣи* как наименования жены по мужу, с лингвистической точки зрения единственно возможное, заставляет отказаться от гипотезы о том, что заказчицей змеевика была Мария Шварновна, жена Всеволода III. Последняя по мужу была *Всеволожая*. Между тем мужем Марии, упоминаемой в надписи на змеевике, был человек, имя которого оканчивалось на *-славъ*.

Чтение первой части этого имени, бесспорно записанной с ошибкой, может быть лишь предметом гипотез. При этом предпочтительно отдать той, которая сводит к минимуму число допущенных ошибок. Предположение о пропуске буквы (*Милославъ ? Мирославъ ?*) не вполне удовлетворяет этому тре-

видности членных прилагательных выступает здесь в своем «классическом» варианте *-и*, впоследствии вытесненном местоименной флексией *-еи*. Другие примеры на эту грамматическую позицию из раннедревнерусских памятников церковного характера (исключая новгородские), кажется, не известны. Предполагать здесь ориентацию писавшего на книжную норму не приходится: местные имена собственные, напротив, даже в книжных текстах часто сохраняют морфологические показатели, свойственные им в живой речи. Это позволяет считать данный пример отражающим древнейшее состояние адъективного склонения в диалектах Юго-Западной Руси. Поскольку в этой диалектной зоне (в отличие от древненовгородского диалекта) экспансия местоименных флексий активно протекала уже в XI–XII вв., рассматриваемая форма может служить дополнительным доводом в пользу ранней датировки змеевика.

¹¹ Ср. также весьма характерное известие Новгородской первой летописи под 6705 (1197) г.: постави монастырь съѣмъ еѣнѣи въ пѣтьникухъ полюжаа городъшница жирюшкина дѣци. Сообщается, как звали мужа основательницы монастыря, её отца, отца её мужа — не сказано только, как звали саму основательницу.

бованию. Во-первых, в надписях змеевика имеются примеры перестановки букв (свѣтъмѣ) и появления лишней буквы (или конкурирующих букв) — живѣтъмѣ, но нет ни одного случая простого пропуска буквы, не компенсированного последующей вставкой. С другой стороны, отступлением от принятой орфографии оказывается при таком прочтении употребление о не в перестроенном слого.

Оптимальным решением является, на наш взгляд, предположение о перестановке букв в имени *Моиславъ*. Это имя, более распространенное в западнославянском ареале (так звали, в частности, мазовецкого князя, с которым воевал Ярослав Мудрый), было известно и на Руси. Оно фиксируется в нескольких новгородских источниках: берестяной грамоте № 548 второй половины XII в., статье 1194 г. Новгородской 1-й летописи и в послании архиепископа Василии Калики тверскому епископу Федору о земном рае. Во всех этих текстах начальная часть имени записывается как *мои-*, что является свидетельством раннего перехода исходного **moje-* в [моѣ-] или [мои-]. Таким образом, фонетические условия для удлинения **o* здесь были налицо; иначе говоря, по нормам нашего текста в данном случае должно было быть написано *моиславие*. От того, что читается на змеевке, эту запись отличает только перестановка двух соседних букв — автор мог пропустить *o* в *мон-*, как он пропустил *ѣ* в *свѣтъмѣ* и «доставить» его после уже написанной буквы *и*, как он дописал *ѣ* после уже написанного *мѣ*.

Заканчивая, повторим выводы, которые могут быть сделаны для атрибуции Суздальского змеевика на основании анализа его надписей:

1) Графические особенности надписей не дают оснований считать змеевик работой византийского мастера, плохо знавшего русский язык и слепо копировавшего оригинал; они складываются в оригинальную систему, имеющую ярко выраженный индивидуальный характер, что обусловлено, по-видимому, магической функцией текста;

2) Отражение в надписях заместительного удлинения **o* и **e* в слогах перед слабыми редуцированными позволяет говорить о происхождении змеевика с юго-западных территорий древней Руси; определение «суздальский» в названии памятника не отражает, следовательно, места его изготовления;

3) По палеографическим признакам надписи могут быть отнесены к XII в. или, шире, к домонгольскому времени; их лингвистические особенности делают наиболее вероятным временем создания памятника вторую четверть — середину XII в.

4) В надписях упоминаются следующие лица: 1. Мария (Моиславля) — жена (или вдова) Моислава; 2. Христина — дочь Моислава и Марии; 3. Георгий (скорее всего — муж Христины).

Что же касается возможности связать Суздальский змеевик с известными историческими лицами, то здесь, как кажется, следует вернуться к мнению, высказанному в свое время Н. П. Лихачевым (1928, 178), писавшим: «Памятник этот, по всей вероятности, принадлежит княжеской семье домонгольского времени, но что это за семья, останется, может быть, навсегда неизвестным». Во всяком случае, гипотезу о принадлежности змеевика Марии Шварновне, супруге Всеволода III Большое Гнездо, при всей ее исторической привлекательности, приходится оставить.

ЛИТЕРАТУРА

- Высоцкий 1966 — С. А. Высоцкий. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Вып. 1. Киев, 1966.
- Зализняк 1990 — А. А. Зализняк. «Мерило Праведное» XIV в. как акцентологический источник. München: Otto Sagner (=Slavistische Beiträge, Bd. 266), 1990.
- Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Князевская 1996 — О. А. Князевская. Буква *ѡ* в рукописи Быбельского Апостола // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.
- Лихачев 1928 — Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики // Труды Музея палеографии. Л., 1928, вып. 1.
- Медынцева 1978 — А. А. Медынцова. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV вв. М., 1978.
- Медынцева 1991 — А. А. Медынцова. Подписные шедевры древнерусского ремесла. М., 1991.
- Николаев 1996 — С. Л. Николаев. Histoire d'O // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.
- Николаева и Чернецов 1991 — Т. В. Николаева, А. В. Чернецов. Древнерусские амулеты-змеевики. М., 1991.
- Павлов 1908 — Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV вв. Под ред. А. С. Павлова. 2-е изд. СПб., 1908.

- Сперанский 1893 — *М. Н. Сперанский*. О змеевике с семью отроками // Археологические известия и заметки. М., 1893, т. 1, № 4.
- Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Щепкина 1972 — *М. В. Щепкина*. О происхождении Успенского сборника // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972.